

—●— ПАВЕЛ КОНДРАТЬЕВ —●—

ТАМ, ГДЕ НЕТ КООРДИНАТ

Павел Кондратьев

Там, где нет координат

«Автор»

2026

Кондратьев П. В.

Там, где нет координат / П. В. Кондратьев — «Автор», 2026

В тот вечер Ребекка успела увидеть на веранде два серебряных силуэта. Через мгновение она оказалась на чужом корабле над Землёй — среди живых коридоров и существ, которые считают похищение технической процедурой. Физик Альфред Полакс не обращается ни в полицию, ни к военным. В подвале его дома стоит незавершённый квантовый канал. Он способен увидеть Ребекку. Услышать её. Возможно — перейти к ней. Но обратного пути нет. Пока Ребекка изучает корабль изнутри, над Калифорнией появляются чёрные нити: пришельцы меняют земную атмосферу под себя. До точки невозврата остаётся меньше двух суток. Чтобы вернуться, Альфреду и Ребекке придётся не только перехитрить цивилизацию, прожившую тысячи лет, но и ответить на предложение, от которого человечество ещё никогда не отказывалось. Между ними — расстояние, для которого не существует координат. Но иногда любовь — не чувство. Иногда это способ добраться туда, куда физика запрещает путь.

© Кондратьев П. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Павел Кондратьев

Там, где нет координат

Глава

Я ТЕБЯ ВИЖУ

Роман

Глава 1

Закат, который не был подарком

Тихий океан умирал красиво.

Каждый вечер он делал это по-новому — то тихо, растворяясь в туманной дымке, то с яростью, швыряя последние лучи в облака, как кто-то, кто не желает уходить без скандала. В этот раз небо выбрало золото с примесью крови. Горизонт пылал. И двое людей на краю обрыва смотрели на это так, как смотрят только на то, что не повторится.

Альфред Полакс стоял чуть впереди. Тридцать семь лет, тёмные волосы, которые он давно перестал причёсывать по утрам — всё равно к полудню разлетятся. Куртка расстёгнута, руки в карманах. Он не смотрел на закат. Он смотрел вниз — на скалы, на белую пену прибоя, на то место, где вода встречается с камнем и не побеждает ни та ни другой.

— Знаешь, Альфред... иногда мне кажется, что весь этот закат — просто для нас, — сказала Ребекка.

Голос у неё был тихий, но не робкий. Она стояла рядом, чуть ближе к краю, чем следовало бы — и Альфред это заметил, как замечал всегда всё, что касалось её. Ребекка Кларн. Тридцать шесть. Светлые волосы, которые ветер сейчас трепал без разрешения. Одна рука легла на его запястье — не крепко, просто так. Чтобы он знал, что она здесь.

Он усмехнулся. Не широко — уголком рта, так, как усмеваются люди, которые слишком много думают и слишком редко говорят о том, что думают.

— Вселенная не делает подарков, Бек. — Он наконец повернул голову. — Она просто не заметила, что мы здесь. А мы заметили. Это уже наша победа.

Ребекка посмотрела на него. Долгая секунда.

— Ты невозможный человек.

— Знаю.

Она потянула его за рукав. Он не сопротивлялся.

Поцелуй получился таким, каким и должен быть на краю обрыва над Тихим океаном в час заката — долгим, тихим и немного похожим на прощание. Не потому что они этого хотели. Просто так бывает, когда всё слишком красиво и слишком хорошо, и где-то в груди живёт маленький холодный страх, что это ненадолго.

Солнце исчезло.

Небо из золотого стало серым.

— Домой? — спросила она.

— Домой, — согласился он.

Дом стоял в сосновом лесу в двадцати минутах езды от берега. Старый, деревянный, с верандой, которая выходила на запад — специально, чтобы видеть то самое небо. Альфред купил его четыре года назад за смешные деньги, потому что предыдущие хозяева боялись оползней. Альфред оползней не боялся. Альфред вообще боялся очень немногo — и это, по мнению Ребекки, было одновременно его лучшим и худшим качеством.

Она сидела на веранде. Бокал красного вина грелся в руке, плед сполз с колена — она не поправляла. Над соснами уже висели первые звёзды, мелкие и холодные. Где-то внизу, невидимый за деревьями, дышал океан.

Через открытую дверь доносился тихий стук клавиш. Альфред работал. Альфред работал всегда — за едой, перед сном, иногда, кажется, даже во сне. У него в голове постоянно что-то происходило: какие-то уравнения, какие-то схемы, какие-то идеи, которые не давали покоя ни ему, ни всем, кто был рядом.

— Эй, гений! — крикнула она в темноту за дверью. — Ты когда-нибудь выключишь мозг хотя бы на десять минут?

Стук клавиш не прекратился.

— Я пытаюсь, — донеслось из гостиной. — Но он, зараза, не слушается.

— Попробуй вино.

— Попробую через двадцать минут.

— Ты говорил это час назад.

Пауза. Стук клавиш замедлился.

— Пятнадцать минут.

Ребекка улыбнулась в темноту и подтянула плед. Выпила глоток. Посмотрела на звёзды — равнодушные, далёкие, красивые. Подумала, что надо купить новый плед, этот уже совсем протёрся на левом краю. Подумала, что надо позвонить сестре. Подумала, что давно не была в Санта-Барбаре, где выросла, где до сих пор стоит дом родителей и соседская собака всё так же лает на почтальона каждое утро.

Воздух над перилами веранды вдруг изменился.

Ребекка подняла взгляд.

Сначала она решила, что это какой-то странный туман — такой бывает осенью над прогретой землёй, плотный и светящийся. Но туман не бывает таким правильным. Туман не принимает форму. Туман не стоит — он плывёт.

Это стояло.

Два силуэта. Высокие — намного выше человеческого роста — и абсолютно неподвижные. Тела их отражали остатки вечернего света, как отражает свет жидкий металл: текуче, холодно, без тепла. Лица были идеально ровными. Никаких черт. Никакого выражения. Просто гладкие серебристые плоскости там, где должны быть глаза, нос, рот.

Бокал в руке Ребекки не дрогнул. Это был просто факт — потом она удивится этому, но сейчас мозг работал иначе, быстро и холодно, фиксируя детали: два существа, расстояние три метра, дверь за спиной открыта, Альфред внутри, ближайшие соседи в двух километрах.

— Альфред... — произнесла она ровно. — Ты это видишь?

Она не успела договорить.

Свет — не тот мягкий, золотой, который уходил за горизонт час назад, а резкий, белый, почти физически плотный — ударил сразу со всех сторон. Ребекка не успела поднять руку. Не успела встать. Не успела даже испугаться по-настоящему — страх пришёл позже, когда было уже некуда.

Световой кокон сомкнулся вокруг неё.

И она исчезла.

Бокал упал на доски веранды. Красное вино растеклось по старому дереву, впиталось, оставило тёмное пятно.

Плед медленно сполз на пол.

Альфред выскочил на веранду через три секунды. Может, через четыре — он не считал, просто вдруг почувствовал что-то, что нельзя объяснить логически, что-то похожее на резкую пустоту там, где только что было тепло. Планшет остался на столе. Дверь ударила о косяк.

— БЕК!

Веранда была пустой.

Он стоял неподвижно. Смотрел на опрокинутый бокал, на пятно вина, на плед на полу. Смотрел на перила, за которыми начинался ночной лес, а дальше — склон, скалы, океан. Ничего. Никого. Только ветер в соснах и далёкий шум волн внизу — тот же, что был всегда, равнодушный и постоянный.

Несколько секунд он просто стоял.

Потом медленно присел, поднял бокал, поставил на перила. Посмотрел на собственные руки. Они не дрожали. Это было важно — что руки не дрожали.

Он выпрямился. Посмотрел на небо — туда, где только что были звёзды. Звёзды были на месте. Холодные, далёкие, равнодушные. Всё те же.

— Ладно, — сказал он тихо. Почти шёпотом. Но в голосе была сталь — не горячая, не злая, а холодная и очень, очень точная. — Теперь это личное.

Он развернулся и пошёл в дом.

В подвал.

На работу.

Ветер качал сосны. Океан дышал в темноте. Пятно вина на досках веранды подсыхало и темнело.

Плед никто не поднял.

Глава 2

Канал

Подвал был построен не для хранения банок с вареньем.

Когда Альфред купил дом, подвал был именно таким — пыльным, низким, с деревянными полками вдоль стен и запахом прошлого века. Он провёл там первые три дня: выбросил полки, залил пол эпоксидной смолой, протянул отдельную линию питания, поставил климат-контроль. Сосед Гарри видел, как он таскает оборудование, и вежливо поинтересовался, не планирует ли Альфред открыть майнинговую ферму. Альфред вежливо ответил, что нет.

Сосед Гарри не поверил. Но переспрашивать не стал.

Сейчас в подвале горел один свет — над центральным столом, узкий и холодный, как свет в операционной. Альфред работал стоя. Он почти никогда не работал сидя — говорил, что мозг лучше думает, когда тело готово к движению. Ребекка однажды сказала, что это просто значит, что он не умеет расслабляться. Он не стал спорить.

На столе — три монитора, паяльная станция, которую он не включал уже месяц, стопка распечаток с формулами, наполовину прикрытая кружкой с давно остывшим кофе. В центре — устройство, которое он собирал последние полгода. Неофициально. В свободное время, которого почти не было. Оно выглядело как обычный сетевой маршрутизатор — если бы обычные маршрутизаторы имели шестнадцать нестандартных разъёмов, квантовый генератор случайных чисел и блок из материала, который официально не существовал в свободной продаже.

Альфред называл его просто: канал.

Теория была безумной — он знал это лучше любого рецензента. Идея о том, что квантовая запутанность можно использовать не просто для шифрования, а для передачи образов — живых, в реальном времени — через пространство без физических ограничений. Без спутников. Без кабелей. Без чего угодно, что можно заглушить, перехватить или отключить.

Шесть месяцев назад он написал об этом статью. Статья не прошла рецензирование. Рецензент номер два написал: «Автор, по всей видимости, не понимает фундаментальных ограничений теоремы о запрете клонирования». Альфред понял фундаментальные ограничения. Он просто нашёл способ работать не с ними, а рядом с ними.

Он воткнул последний кабель.

Подождал.

Экран в центре вспыхнул синим, потом белым, потом успокоился — стал серым, живым, как поверхность воды перед тем, как в неё бросить камень.

Альфред посмотрел на него. Потом взял телефон.

Марк Эллисон ответил на третьем гудке. Это означало, что он не спал — Марк всегда отвечал на третьем, когда не спал, и на девятом, когда всё-таки засыпал за рабочим столом.

— Полакс. — Голос хриплый, но живой. — Знаешь, сколько сейчас времени?

— Знаю.

— Час ночи.

— Я умею считать, Марк.

Пауза. Шорох — Эллисон, судя по звуку, переставлял что-то на столе. Скорее всего, убирал недопитую банку пива туда, где её не найдёт жена.

— Что случилось?

Альфред помолчал секунду. Не потому что не знал, что сказать. А потому что произнести это вслух означало сделать это настоящим.

— Ребекку забрали.

Тишина. Другого рода.

— Что значит забрали?

— Вышла на веранду. Я был в комнате. Через минуту её не стало.

— Альфред. — Голос Эллисона изменился — стал тем самым, который Альфред знал ещё с аспирантуры. Марк умел так — убирать из голоса всё лишнее, оставлять только суть. — Ты вызвал полицию?

— Нет.

— Почему?

— Потому что полиция ищет людей. То, что забрало Ребекку — не люди.

Долгая пауза. Очень долгая.

— Ты серьёзно.

— Я всегда серьёзно, Марк. Ты это знаешь.

Ещё одна пауза. Потом — медленный выдох.

— Ладно. Что тебе нужно?

— Мне нужно знать, работает ли канал. Я включил его десять минут назад. Смотрю на экран и вижу серый шум. По теории — он должен настраиваться на ближайшую квантовую сигнатуру, связанную со мной. Ребекка носит браслет с квантовым маркером. Я построил его год назад — она думала, что это просто красивый металл.

— Ты построил в браслет жены квантовый маркер.

— Она не жена. И да.

— Альфред.

— Марк.

Голос Эллисона стал усталым — так устают люди, которые давно смирились с тем, что их лучший друг живёт в собственной системе координат и переезжать оттуда не собирается.

— Что мне нужно сделать?

— Ничего. Просто оставайся на связи. Если через двадцать минут я не перезвоню — значит, всё получилось.

— А если перезвонишь?

— Тогда мне понадобится твой доступ к спутниковому массиву НАСА. Неофициальный.

Пауза.

— У меня нет неофициального доступа к спутниковому массиву НАСА.

— Марк.

— ...Я позвоню Чену. Он знает человека.

— Спасибо.

— Не благодари. Найди её. — Коротко. Твёрдо. — И потом расскажи мне всё от начала до конца. Я хочу знать, что это было.

— Договорились.

Альфред убрал телефон. Посмотрел на экран. Серый шум жил, двигался, переливался. Где-то внутри этого шума — если теория верна — существовал сигнал. Тонкий, как нитка. Но нитки хватает, чтобы найти дорогу назад.

Он сел. Впервые за ночь.

И начал ждать.

Изображение появилось на семнадцатой минуте.

Сначала — просто светлее. Потом — контуры. Потом — пространство, которое явно не было ни одним помещением на Земле: слишком правильные стены, слишком равномерный свет, исходящий отовсюду и ниоткуда сразу. Серебристый металл. Или что-то, похожее на металл.

И Ребекка.

Она стояла у стены — нет, не стояла. Она шла вдоль стены, касаясь её пальцами, и явно что-то изучала. Голова чуть наклонена. Выражение лица — Альфред знал это выражение. Именно так она смотрела на новое место, новый текст, новую задачу: сосредоточенно и с лёгким прищуром, как человек, который уже начал выстраивать в голове схему, хотя данных ещё недостаточно.

Не забившаяся в угол. Не плачущая. Не сломленная.

Изучающая.

Что-то в груди у Альфреда, что сжалось в момент, когда он вышел на пустую веранду — чуть отпустило. Не исчезло. Просто сдвинулось с места, превратилось во что-то другое. В злость, может быть. В ту её разновидность, которая холодная и очень точная.

— Бек, — сказал он.

Она не услышала. Изображение шло в одну сторону.

Он переключил режим. Нажал последовательность, которую никогда не тестировал вживую — только в симуляции, только на бумаге. Экран мигнул. Где-то в схеме что-то щёлкнуло, как щёлкает замок, который наконец нашёл ключ.

— Альфред...?

Её голос. Тихий, чуть осипший — она, наверное, уже пробовала кричать. Но живой. Абсолютно живой.

— Я слышу тебя, — сказал он. — Я вижу тебя. Канал работает в обе стороны. Не двигайся резко — изображение нестабильное.

— Ты... — она остановилась. Посмотрела в ту точку пространства, откуда шёл его голос. — Как?

— Потом объясню. Сейчас слушай меня. Ты в порядке физически?

Секундная пауза — она проверяла сама себя, быстро и деловито.

— Да. Они не трогали. Просто... переместили.

— Хорошо. Расскажи, что ты видишь. Быстро и точно — как умеешь.

Ребекка выпрямилась. И Альфред увидел, как что-то в ней переключается — из режима «разобраться самой» в режим «работаем вместе». Это тоже было знакомо. Они умели это — переключаться без слов.

— Коридор. Длинный, метров сорок, может больше. Потолок высокий — около пяти метров. Освещение равномерное, источников не вижу. Материал стен — что-то похожее на

металл, но тёплый на ощупь и немного гибкий. Гравитация нормальная, может, чуть меньше. Воздух сухой. — Она помолчала. — Я уже прошла три поворота. Планировка нелинейная, но не хаотичная — там есть логика, я пока её не понимаю.

— Окна есть?

— Одно. В конце следующего коридора, я видела издали. Большое.

— Иди к нему. Мне нужно знать, что снаружи.

— Уже иду.

Изображение качнулось — она двигалась, и передача за ней не успевала, давала рябь по краям. Альфред подстроил фокус. Стало лучше.

Голос за спиной Ребекки появился без предупреждения.

— Человеческая единица. Ваша связь нестабильна. Прервите.

Она не вздрогнула. Это Альфред тоже отметил — не вздрогнула, просто остановилась и медленно обернулась. На экране появился силуэт: высокий, серебристый, неподвижный. Лица нет — или есть, но такое, которое мозг отказывается читать как лицо.

— Альфред, — сказала Ребекка ровно. — Ты его видишь?

— Вижу.

— Хорошо. — И потом, не меняя тона, существу: — Нет.

Существо наклонило голову. Точно на пятнадцать градусов — как будто угол был рассчитан.

— Нет? — повторило оно. Голос был ровным, без модуляций. Не механическим — просто очищенным от всего, что делает голос живым.

— Нет, я не прерву связь. — Ребекка сложила руки на груди. — Кто вы?

— Вейланы.

— Это название вида или организации?

Пауза. Вейлан снова наклонил голову — на этот раз в другую сторону.

— Разница несущественна.

Альфред решил, что момент подходящий.

— Эй. — Он говорил в микрофон чётко. — Серебряный. Ты меня слышишь?

Вейлан повернулся к источнику звука. Медленно. Точно.

— Мы слышим.

— Отлично. Тогда слушай внимательно, я повторять не буду. Эту женщину вы вернёте. Не потому что я прошу. А потому что у меня есть время, инструменты и очень конкретная мотивация. И я не из тех, кто останавливается.

Вейлан смотрел — или делал что-то, что выглядело как взгляд.

— Эмоциональная привязанность. — Голос всё такой же ровный. — Бесполезна как аргумент.

— Бесполезна? — Альфред сухо усмехнулся. — Парень, ты только что посмотрел на человека, который за семнадцать минут построил межпространственный канал связи потому что ему было надо. Эмоциональная привязанность — это не аргумент. Это топливо. И у меня его сейчас очень много.

Тишина.

Вейлан не ответил. Он просто стоял — и в этом стоянии не было ни угрозы, ни согласия. Просто обработка. Как будто где-то внутри него работает что-то, что раньше не сталкивалось с подобным входящим сигналом.

Ребекка воспользовалась паузой.

— Зачем я здесь? — спросила она прямо. — Конкретно. Без общих слов.

— Вы передали сигнал, — ответил Вейлан. — В состоянии сна. Неосознанно. Сигнал содержал координаты вашей планеты. Мы пришли по нему.

Ребекка медленно моргнула.

— Мои сны, — сказала она. Не вопросительно. Просто повторила вслух, чтобы проверить, как это звучит. — Вы пришли по моим снам.

— По координатам в ваших снах. Это разные вещи.

— Нет, — сказала она. — Это одно и то же. — Она обернулась к тому месту, откуда шёл голос Альфреда. — Ты слышал?

— Слышал.

— Я тебе говорила, что мне снятся странные сны. Полгода назад.

— Ты говорила, что тебе снится серебряный свет и высокие силуэты.

— Вот именно.

Альфред помолчал секунду.

— Ладно, — сказал он. — Значит, у нас есть отправная точка. Бек, ты можешь добраться до того окна?

— Могу.

— Иди. Мне нужно знать, где вы находитесь. Орбита, высота, угол к Земле — всё, что увидишь.

— Понял тебя. — Она уже двигалась. — Альфред.

— Что.

— Хорошая работа с каналом.

— Я знаю.

— Не зазнавайся.

— Постараюсь.

Изображение снова качнулось — она шла, и серебристый коридор плыл за ней, отражая её шаги. Вейлан остался стоять там, где стоял. Смотрел. Обработывал.

Альфред смотрел на экран и думал сразу о нескольких вещах: о том, что канал держит сигнал лучше, чем он рассчитывал. О том, что Вейланы пришли по снам Ребекки — и это означает, что между ней и ними есть связь, о которой она сама не знала. О том, что терраформирование — слово, которое он ещё не слышал, но которое появится через несколько часов — уже начиналось где-то над Калифорнией.

Но прежде всего он думал о том, что она не забилась в угол.

Она шла к окну.

Это было важно. Это было — Ребекка.

Марк Эллисон позвонил через двадцать три минуты. Альфред не взял трубку. Написал одно слово: «Работает».

Эллисон ответил через минуту: «Чен говорит, доступ к массиву будет через час. Береги себя, идиот».

Альфред убрал телефон.

На экране Ребекка добралась до окна.

И остановилась.

— Альфред, — сказала она тихо. Совсем тихо — так говорят, когда не уверены, что слова справятся с тем, что нужно сказать. — Мы очень высоко.

— Вижу.

Он видел. В окне — если это можно было назвать окном — не было ни горизонта, ни неба в привычном смысле. Была Земля. Далёкая, круглая, невозможно красивая. И над ней — там, где должна быть чистая атмосфера — медленно, почти незаметно, завивались чёрные нити.

— Что это? — спросила Ребекка.

— Не знаю, — сказал Альфред. — Пока не знаю.

Он уже тянулся к клавиатуре.

Времени оставалось меньше, чем он думал.

Глава 3

Nexus-7

Коробка лежала в нижнем ящике стола уже восемь месяцев.

Альфред нашёл её случайно — это было единственное, что он мог сказать об этом с уверенностью. Всё остальное было вопросами без ответов. Коробка оказалась в партии оборудования, которую он заказывал у частного поставщика в Орегоне — старые платы, несколько редких конденсаторов, катушки индуктивности. Стандартная посылка, ничего необычного. Но среди пузырчатой плёнки и россыпи деталей лежала она: матовая, тёмная, размером с портсигар, без маркировки, без производителя, без единого шва — как будто сделана не из нескольких частей, а вырезана целиком из одного куска неизвестного материала.

Внутри — семь капсул. Тёмно-синих, почти чёрных. Абсолютно одинаковых.

Поставщик на его запрос ответил через три дня: «Не знаем, что это. В накладной нет. Оставьте себе или выбросьте». Альфред не выбросил. Он сделал то, что делал всегда с непонятными вещами, — положил в ящик и стал думать.

Восемь месяцев думал.

За это время он: отправил образец материала корпуса в три независимые лаборатории — все три вернули результат «состав не идентифицирован»; попробовал просветить капсулу рентгеном — снимок вышел чистый, как будто капсулы не существовало; нашёл в закрытой базе данных упоминание кода «N-7» в одном засекреченном отчёте семьдесят девятого года, но сам отчёт был удалён; и в конце концов пришёл к выводу, что у него есть два варианта — продолжать думать или попробовать.

Восемь месяцев он выбирал думать.

Сейчас он открыл ящик.

Коробка лежала на столе рядом с экраном, где Ребекка только что скрылась за поворотом коридора — она шла искать ещё одно окно, другой ракурс, больше данных. Канал держал сигнал, но картинка замерла на серебристой стене. Альфред смотрел на коробку.

Он не был человеком, который принимает решения импульсивно. Он был человеком, который думает быстро, взвешивает точно и потом действует без колебаний. Разница важная. Импульс — это когда не думаешь. Он думал. Просто очень быстро.

Факты: Ребекка на корабле, который находится за пределами атмосферы. Там, откуда её не достать обычными средствами. Канал есть, но канал — это только связь, не транспорт. Ему нужно больше, чем он сейчас способен придумать. Его мозг работает хорошо — но хорошо недостаточно. Ему нужно лучше.

Он взял капсулу.

Повертел в пальцах. Она была тёплой — всегда была тёплой, с первого дня, независимо от температуры в комнате. Это тоже было в списке необъяснимого.

— Будь собственным советчиком, — сказал он вслух. Тихо. Просто проверил, как звучит. — Думай сам. Решай сам.

Он проглотил капсулу.

Запил холодным кофе.

Поставил таймер на двадцать минут — на случай, если потеряет счёт времени — и сел ждать.

Первые семь минут не происходило ничего.

Альфред сидел прямо, смотрел в одну точку на стене и методично фиксировал ощущения: пульс ровный, дыхание нормальное, зрение чёткое, посторонних звуков нет. Ничего. Он

уже начал думать, что капсулы — просто красиво упакованный плацебо, когда на восьмой минуте мир немного сдвинулся.

Не резко. Не как удар. Скорее — как когда долго смотришь на одну картинку и вдруг видишь в ней другую, спрятанную. Просто всё стало чуть более настоящим, чем было секунду назад. Резче. Плотнее. Лампа над столом светила так, как будто он впервые по-настоящему видел свет.

Потом пришли голоса.

Не чужие — это было первое, что он понял, и это было важно. Не чужие голоса, не посторонние. Его собственный голос, но — как это точнее — разные его версии. Как будто в голове одновременно думали несколько Альфредов, каждый на своём уровне, и все они работали над одной задачей.

Квантовый канал держит сигнал на частоте 10 в минус тридцать пятой — это планковский масштаб, там нет ограничений на скорость передачи —

— но передача материи требует другого, не сигнала, а якоря, точки привязки с обеих сторон —

— якорь уже есть, браслет с маркером, она его носит, он квантово запутан с передатчиком в лаборатории —

— значит, если усилить запутанность до порога декогеренции, теоретически —

— теоретически это невозможно, — сказал он вслух, перебивая сам себя.

Теоретически невозможно. Практически — неизвестно. Никто не пробовал.

Он встал. Мысли двигались быстро, но не хаотично — это было важное отличие от того, что он ожидал. Не лихорадка, не поток сознания. Скорее — очень мощный и очень чёткий прожектор, который можно направлять куда нужно.

Он направил его на экран.

Данные сыпались быстро: показатели канала, частоты, уровень квантовой запутанности между маркером и передатчиком. Он видел это — не просто как цифры, а как структуру, как пространство, где каждая переменная занимала своё место и была связана с другими. Красиво, подумал он мельком. Математика всегда была красивой, просто не всегда это замечаешь.

Потом пришли образы.

Это было другое — не голоса, не мысли. Картинки, быстрые и чёткие, как кадры монтажной нарезки. Он увидел схему — не ту, что была на экране, а другую, которой ещё не существовало. Модифицированный передатчик. Усиленная запутанность. Прыжок — не сигнала, а человека. Его самого.

— Ладно, — сказал он.

Он работал сорок минут не останавливаясь.

Nexus-7 не убирал усталость — это он понял сразу. Руки всё равно уставали, глаза всё равно жгло от экрана. Но между усталостью и работой встало что-то вроде стеклянной перегородки: есть, знаю, не важно, продолжаем. Он паял, переключал, перестраивал схему канала. Голоса в голове продолжали работать параллельно — иногда подсказывали раньше, чем он успевал сформулировать вопрос.

На двадцать третьей минуте работы экран мигнул и выдал данные, которые Альфред не запрашивал.

Он остановился.

Смотрел на цифры секунд десять. Потом медленно сел.

Канал, пока он настраивал передатчик, продолжал работать в фоновом режиме. И в фоновом режиме он успел зафиксировать то, что творилось снаружи — над Калифорнией, над всем западным побережьем. Атмосферные данные. Температура. Давление. Состав воздуха на разных высотах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.